

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Министерство образования и науки Республики Казахстан
Павлодарский государственный педагогический институт

Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.

*Археология, этнография,
устная история*

Выпуск 10

*Материалы X международной
научно-практической конференции,
г. Барнаул, 22–23 апреля 2015 г.,
посвященной 25-летию
лаборатории исторического краеведения АлтГПУ*

Барнаул • 2015

УДК 902+39
ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)
П 491

Ответственные редакторы:

М. А. Демин, д-р ист. наук, профессор;
Т. К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор

П 491 Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПУ, 2015 – 284 с.: ил.
ISBN 978-5-88210-769-6

В сборнике публикуются материалы X международной научно-практической конференции. В издании представлены результаты исследований научных, образовательных, музейных и других центров в области, археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана в 2014 г.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, археологии, этнографии, музееведения, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

Сборник издан при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-11-22002 «Древние поселения Северной Кулунды (культурно-хронологический аспект)».

ISBN 978-5-88210-769-6

© Алтайский государственный педагогический университет, 2015

Проекты и программы Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ

Т. К. Щеглова

Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы)¹

Изучение Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. всегда находилось в поле зрения исследователей. Но сегодня нельзя сказать, что эта тема исчерпана, особенно применительно к восточным тыловым территориям России, и прежде всего к вкладу сибирской деревни в исход войны. Между тем этот вклад был не только *непосредственный* — мобилизация и пополнение Советской армии сибиряками достойно представлены в научно-популярной литературе, так же как трудовой подвиг на колхозных и совхозных полях. *Опосредованным вкладом* стали повседневные практики мобилизации сельского населения на борьбу с голодом и холодом, формирование системы жизнеобеспечения, которая позволила деревне выжить и стать важнейшим фактором победы. Исход военных сражений решила способность деревни без помощи государства, сосредоточившего все внимание на военной стороне событий, не просто выжить, но и быть базой для существования и города, и фронта в военные годы. Именно этим проблемам и была посвящена новая программа Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ в преддверии 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Автор данной программы исходила из того, что в отечественной историографии сформировались опорные ключевые понятия, которые несут научно-гражданское значение — «Великая победа», «Подвиг советского народа», «Факторы Победы». И несмотря на то, что над их со-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

держанием исследователи работают не один десяток лет, они требуют корректировки, так же как требуется расширение исследовательского поля по истории войны. Можно утверждать, что пристальное внимание на протяжении 70 лет уделялось событиям на фронте, состоянию армии, стратегии и тактике, великим полководцам, подвигам рядового и офицерского состава. В работах по истории тыловых территорий внимание исследователей акцентируется на изучении промышленности по обеспечению фронта вооружением, боеприпасами; если сельского хозяйства – то продуктами питания, так же как в социальной истории – городам и горожанам, и мало работ, посвященных селу и сельчанам. Даже в условиях антропологизации отечественной исторической науки в последней четверти XX столетия на первый план в исторических реконструкциях выходит «человек на войне». В Центре устной истории и этнографии (далее ЦУИиЭ) также с 2009 г. реализуется программа по изучению различных аспектов повседневной жизни «человека воюющего», включая санитарно-бытовые условия, организацию питания, обеспечения одеждой, обустройства проживания и окопной жизни, ощущения и восприятия войны, образ врага и отношение к смерти, взаимоотношения солдат и офицеров, мужчин и женщин, советских военнослужащих и германских военнопленных и т. п. На основе интервьюирования ветеранов войны сформирована коллекция устных исторических источников, опубликованы работы, сделаны промежуточные выводы в студенческих и аспирантских публикациях [8].

В немногочисленной научной литературе по тыловой деревне рассматриваются вопросы трудового подвига трактористов и комбайнеров, в основном женщин трудоспособного возраста. Центром УИиЭ с опорой на полевые материалы устной истории тема колхозной деревни комплексно определена как одна из приоритетных уже не первое десятилетие, а в последние годы на первый план вышла тема колхозного производства в годы войны, материалы экспедиций апробированы в студенческих и магистрантских работах [10]. Были темы, которые долгое время оставались закрытыми, например депортации и спецпереселения в годы войны, история трудармий и трудармейцев. Существуют темы, которые находятся на периферии исследовательского поля, в частности жизнь и быт сельского тылового населения. В историографии основное внимание уделялось вкладу тыловой деревни в виде непосредственной помощи фронту провиантом, одеждой, табаком, тягловой силой. Трудовому подвигу посвящены десятки монографий, в которых описывается крайнее напряжение физических сил сельского населения на полях, токах, фермах, названы герои трудового фронта.

На сегодняшний день рассмотрение вопросов жизненных стратегий сельского общества тыловой деревни в повседневной практике остались в науке обделенными вниманием историков, этнологов, антропологов, так же как в гражданском социальном значении еще до конца не воздали должное и не выразили адекватную вкладу сельского населения в Великую победу благодарностью. Поэтому автором программы разработаны ряд принципов и введены или скорректированы смысловые понятия: *экстремальные условия, чрезвычайные ситуации, заместительные технологии, адаптивные повседневные практики, жизненные стратегии, система жизнеобеспечения, система жизнедеятельности* сельского населения тыловой деревни в годы Великой Отечественной войны. С их помощью представляется возможным доказать существование тех факторов победы, которые носили опосредованный характер и без которых ни фронт, ни общество не выстояли бы в годы войны. Этот вклад невозможно измерить количественно, но не учитывать нельзя. Для адекватной оценки вклада сельского населения в победу автор вводит прежде всего понятия, которые отражают социально-материальное состояние и возможности сельской семьи в годы войны. На наш взгляд, для одних категорий населения их можно назвать трудными, для вторых – экстремальными, для третьих – чрезвычайными.

Условия жизни основной массы сельского населения, по нашему мнению, являлись трудными и экстремальными. Историкам необходимо больше внимания уделить сельской военной повседневности, способам борьбы сельского населения тыловой деревни с голодом и холодом. *Объективными условиями* возвращения крестьян в колхозных и совхозных социумах к традициям культуры жизнеобеспечения являлся ряд факторов, под влиянием которых сформировались *адаптационные практики выживания*, ставшие для сельского населения *основой системой жизнеобеспечения и системы жизнедеятельности*.

К **объективным экстремальным условиям** относились следующие:

1. Государство обеспечивало минимум средств существования в годы войны при помощи карточной системы, прежде всего труженикам оборонных предприятий и городскому населению. Государственная карточная система на сельское население не распространялась.

2. Социалистическая модернизация преобразовала единоличную деревню в колхозную, оставив население без денег. Крестьяне за свой труд получали трудодни-палочки, за которые в годы войны выдавались 250–300 граммов зерна в сутки (стакан) [6, с. 212]. Сельскохозяйственная продукция колхозов почти полностью изымалась в государственный

фонд на нужды фронта. «Помню, в один год заработала будто бы три центнера пшеницы. Именно „будто бы“, так как из них мне не досталось ничего. Все ушло в фонд фронта. Несмотря на непосильные налоги, еще давили в то время и военные займы. Короче, государство со всех сторон прижимало» [4, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна (1922–2001) с. Романово]; «трудодни начисляли... давали на них зерно, семечки, но мало» [4, Бондаренко (Бондарь) Анастасия Кирилловна (1923–2008) с. Романово]. Лишь иногда на трудодни выдавались деньги, но цены на товары были несоизмеримо выше. Например, в 1943 г. колхозники Западной Сибири получили на трудодень по 88 копеек. За год они зарабатывали столько же, сколько рабочие за месяц [6, с. 212]. Поэтому труд не являлся для сельского населения источником обеспечения жизнедеятельности. Необходимо было искать другие способы пропитания.

3. Усугубляли положение деревни демографические и материально-технические изменения: мобилизация мужчин на фронт, неблагоприятный половозрастной состав крестьянского общества тыловой деревни, мобилизация техники и тягловой силы на фронт, а трудоспособного населения – на колхозно-совхозное производство, с посуточным или ежедневным пребыванием в выездных бригадах, на полевых станках. «Мужиков забрали в этот же день и на следующий. А вскоре последние мужчины ушли в трудармию на работы. И все легло на плечи женщин и подростков. Дети с 12 лет, а то и раньше, возили копны, косили сено литовками. Был один трактор, на котором работала женщина» [4, Курганская (Пархоменко) Александра Александровна, 1918 г. р. с. Мормышы]; «В первые же месяцы войны забрали всех взрослых мужчин. Подошла бортовая машина, загрузились в нее под завязку, стоя. Не оставили даже врача... Следом „подобрали“ и остальных помощников женщин – молодых ребят. Почти все – одногодки... 1924 г. р., 1922 г. р., 1925 г. р. ... Росли все вместе, работали вместе, провожали девчат после „гузювок“ домой, дарили им браслеты из речного камня... Ни один не вернулся домой» [4, Худокормова (Дворянкина) Анна Семеновна, 1922 г. р., пос. Майский].

Неблагоприятная демографическая ситуация вела к перераспределению ролей в сельском обществе, укрепила растущий авторитет женщин и одновременно оторвала их от семьи. Это вело к формированию жизненных стратегий нетрудоспособных членов семьи с опорой на традиционные модели хозяйствования.

Корректировали ситуацию неблагоприятные **субъективные условия**.

1. Модернизированная советская модель хозяйствования отстранила домохозяев от средств производства. Раскрестьянивание и ликви-

дация семейного земледелия, скотоводства, незавершенность формирования колхозно-артельно-совхозного производства с перманентно низким материальным достатком домохозяев, репрессивные кампании усугубили положение сельского населения в ухудшившихся социально-экономических условиях военного времени.

2. Сужали возможности крестьянской семьи в борьбе с голодом и холодом введение налогов на колхозное и личное подсобное хозяйство: «Тогда ведь как: молоко – надо сдать, яйцо – надо сдать, шкуру – надо сдать. Картошку, все. Писали: „Дети и женщины держали фронт“» [3]. «Огороды, конечно, были. Было и хозяйство: куры, овцы, корова, но что доставалось семье от них, когда приходилось сдавать и шерсть, и яйца, и молоко» [4, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна (1922–2001) с. Романово]. В материалах интервью содержатся описания сдачи картошки: когда разделяли крупную и мелкую, иногда с помощью просеивания через сито, мелкую оставляли семье, крупную сдавали. Были введены военный и сельскохозяйственный налоги, что вынуждало колхозников продавать на городских базарах часть получаемой продукции: «Ведь хлеб, что выращивал колхоз, – для фронта, картофель с личных огородов – для фронта, и когда собирали колоски, мама говорила, что чем больше мы соберем, тем папа на фронте больше получит хлеба...» [4, Рзянина (Илющенко) В. И., 1938 г. р. с. Гуселетово]. «Работали и жили тяжело, впроголодь... Не хватало хлеба, все отдавали детям. У бабушки с братьями была коровка, именно она помогала выжить в голодные военные годы. Но был еще и госплан, с каждого двора необходимо было сдать в год 3 ц 40 л молока, 300 штук яиц, сдавали телят, 3 ц картошки... Картошки сажали много, оставалось и самим на всю зиму, весной сажали, бывало и одни глазки с очисток» [4, Худокормова (Дворянкина) Анна Семеновна, 1922 г. р., пос. Майский].

3. Наконец, на жизненные стратегии в обеспечении пищей, одеждой, жилищем влияла выявленная в ходе полевых исследований и описанная автором в ряде публикаций социальная дифференциация в военной деревне, сформировавшаяся вследствие советской модернизации и репрессивной политики. У разных социально-профессиональных групп сельчан были неодинаковые условия и возможности адаптации к военному времени: у «колхозников», «совхозников», «работников интеллектуального труда», рабочих государственных учреждений (например, леспромхоза) или МТС. Об этом пока мало исследований. Если в мирное время лучше жилось «совхозникам», которые «были с деньгами», о чем автор писала неоднократно [13], то в войну система физического жизнеобеспечения была крепче у населения колхозного сектора. Об этом говорят сами информанты: «В селе был кол-

хоз и совхоз. Колхозники жили получше, так как могли оставить себе и пшеницу на муку, и молоко, и скот на мясо» [1, с. 43]. Еще тяжелее было интеллигенции: «Тяжело жили. Вот были такие у нас Павловы. Они ушли на Рубцовку, но это в войну. У их семеро детей, отца забрали. Он был счетоводом у нас, а жена не умела даже выращивать вот картошку... Не могла она этого делать, и вот они ходили побиралися... Кто подаст, а кто не подаст, и она ушла. У город ушла, у Рубцовку, и спасла всех детей» [16].

4. Социально-материальные условия репрессированных и депортированных переселенцев были не только трудными или экстремальными, а «чрезвычайными». Насильственное переселение на территорию Сибири депортированных народов и многочисленные предвоенные и военные репрессии привели к подвижке населения, вынужденного решать проблемы обустройства на новом месте без государственной поддержки. А так как все репрессивные кампании (и раскулачивание, и депортация, и спецпереселения) осуществлялись по семейному принципу, то в сибирской деревне формировались большие группы населения, которым приходилось бороться с голодом и холодом на «голом месте», исходя «из сподручных средств», например обустраивать жилую среду с опорой на традиции с использованием земли, дерна, чащи, глины, соломы, камыша и т. д. (землянки, пластанки, мазанки) [15]. Частью этих проблем стала не только физическая, но и социальная адаптация депортированных и спецпереселенцев в тыловой деревне в условиях массивированной идеологической дискредитации в рамках кампаний борьбы с «врагами народа» или «потенциально ненадежными народами», преодоление негативного отношения и враждебности сельских сообществ, получавших похоронки. Местному населению также приходилось адаптироваться к иным культурным привычкам, навыкам переселенцев. На адаптацию сибирского населения оказывали влияние и поведение, и чувство незаслуженной обиды и оскорбления со стороны депортированных и спецпереселенцев [17].

В качестве гипотезы выдвигается положение о сплетении благоприятных и неблагоприятных факторов в парадоксальную социально-экономическую ситуацию, способствующую формированию результативной стратегии выживания и системы самостоятельного жизнеобеспечения населения сибирской тыловой деревни с опорой на традиции. Война «укрепила» традиционную культуру, что проявилось в повышении значения института семьи: семейных и мирских традиций в обеспечении жильем, питанием, топливом, одеждой; развитию домашних промыслов. Актуализировались трудовые традиции освоения «кормящего ландшафта», развития собирательства и промыслов. В этом

смысле традиционная культура являлась одним из факторов Великой победы. Для рассмотрения означенных вопросов и проблем нужны новые подходы, новые технологии, новые источники.

В 2010 г., в преддверии 65-летия Победы, автором начала формироваться и апробироваться новая программа, в которой внимание стало фокусироваться на вопросах жизни сельских обществ глубокой тыловой деревни в годы войны с вниманием к тем вопросам истории крестьянства, которые нашли меньшее отражение в исторических текстах, и прежде всего на актуализации изучения традиций и навыков крестьянства в борьбе с голодом и холодом, усилении связи крестьянской семейной экономики с природным «кормящим ландшафтом», мобилизации архаических занятий которые фактически вернули деревню к опыту присваивающего хозяйства: собирательству, в том числе сбору дикорастущих растений, ягод, грибов, плодов; ловчим промыслам грызунов – сусликов, хомяков, зайцев и другой доступной дичи, сбору яиц дикой птицы, расширению сферы рыбалки и охоты в крестьянской семейной экономике как «извечных» подстраховщиков крестьянской земледельческой семейной экономики. Последствием этого являлась и новая система организации питания с «народной военной» кухней по приготовлению блюд, заготовке тех или иных природных компонентов на длительную зиму, заместительные технологии в «кулинарии экстремальных условий», например замена пшеницы и ржи дикорастущими травами-суррогатами, ставшими примесями к муке, замена мясо-молочных продуктов домашнего скотоводства белковой пищей от ловчих промыслов, в частности сусликов, и охоты на дикую птицу и т. д.

Подобные *адаптационные практики и заместительные технологии* в военную пору существовали в борьбе с холодом, замена дров иными природными материалами, которые также путем собирательства мобилизовывались из окружающего усадьбу и сельское поселение природного мира. В условиях масштабных эпидемий кори, тифа, дифтерии, скарлатины и массовом распространении бытовых заболеваний, таких как чесотка, педикулез, большую роль стали играть народные способы борьбы с ними и лечения; замещение происходило и в семейной санитарии, и в личной гигиене крестьян в условиях отсутствия централизованного обеспечения предметами гигиены и моющими средствами. Важной составляющей в борьбе с холодом являлось самообеспечение крестьян в военные годы жильем, одеждой, обувью, утварью, крестьянский опыт строительства – в условиях отсутствия возможности заготовки или приобретения традиционного для сибирского крестьянства лесного срубного материала – из «сподручных средств», с использованием глины, камыша, соломы, хвороста, нестройовой чащи и

т. п. Важной составляющей стало и изучение тех домашних занятий и кустарных промыслов, которые обеспечили крестьянскую семью одеждой и обувью.

Эти и другие вопросы были включены самостоятельными подтемами в программу «Адаптационные практики, жизненные стратегии и система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в экстремальных условиях войны 1941–1945 годов». Первоначально эта программа была апробирована автором, в том числе и на уровне ряда авторских публикаций о собирательстве и использовании в пищу дикорастущих растений; о формах и видах собирательства; о высокой горизонтальной и вертикальной мобильности крестьянской семьи в годы войны; о половозрастных особенностях в жизненных стратегиях в борьбе с холодом и голодом; о возвращении к архаичным традициям жилищно-производственного строительства с использованием природных «сподручных материалов» (глина, камыш, солома, валежник, нестроевой лес); о социально-политической адаптации разных категорий сельского населения (местных и пришлых) сибирской деревни в условиях государственной политики формирования «образа врага» и массовых депортаций и спецпереселений; о разных адаптационных практиках социумов деревенского мира, сформировавшихся в ходе социалистической модернизации (колхозников, «совхозников», интеллигенции и др.), обеспечение белковой пищей с помощью ловчих промыслов, охоты, рыболовства и т. д.

Теоретико-концептуальное обоснование программы зиждется на комплексе технологий и подходов социогуманитарных наук, включая авторский опыт в разработке теории и методологии устной истории. Об этом уже писалось неоднократно. Добавим только, что на сегодняшний день в ходе полевых исследований, ежегодных историко-этнографических экспедиций и тематических выездов, начиная с 1990 г., обследованы более 30 сельских административных районов, около 600 населенных пунктов. В созданном архиве Центра УИиЭ ЛИК АлтГПУ отложено 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и свыше 1 тыс. часов цифровой записи), 4736 фотоснимков на фотопленке и 65 212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи. Автором создан своего рода учебно-методический комплекс из учебного пособия [17], монографии [14] и сборника материалов интервью (устных исторических источников) [1]. Он может использоваться для индивидуального или коллективного занятия устноисторической исследовательской работой, в аудиторной или внеаудиторной работе образовательных учреждений разного уровня.

Важнейшими подходами при формировании методического и методологического подходов в реализации программы стало представление

о традиционной культуре как своего рода «подстраховщике» сельского общества тыловой деревни в трудных и экстремальных условиях Великой Отечественной войны [11] и теория культуры жизнеобеспечения (далее КЖ), как важнейшая составляющая любой этнической традиционной культуры [5].

Под культурой жизнедеятельности понимается та часть культуры этноса, в которой наиболее ярко видны механизмы обеспечения витальных потребностей человека – жилища и быта в нем, пищи, утвари. Подчеркивается, что «особая роль культуры жизнеобеспечения состоит в физическом обеспечении жизнедеятельности людей» [9, с. 36]. Для нас важно и деление элементов КЖ на базовые (жилище, пища, одежда), и периферийные, также наличие «промежуточных», «сопутствующих», не вписывающихся четко в теоретическое построение компонентов – утварь, гигиену, медицину и т. д. Именно традиционная культура обеспечила систему жизнеобеспечения и жизнедеятельности сельского общества в экстремальных условиях необходимыми знаниями, умениями и навыками. В этом плане жизненно важным было то, что в сельском обществе осталась прослойка «потомственных крестьян», вышедших из крестьянской цивилизации и сохранивших единоличную и общинную модель хозяйствования – это поколение бабушек и дедушек, познавших крестьянские традиции и единоличную модель хозяйствования с опорой на трудовые возможности семьи и «кормящий ландшафт». В годы войны им было по 60–80 лет.

Интересным для исследования сельского общества в годы войны в теории КЖ стал подход к элементам системы жизнеобеспечения с подразделением их на основные и второстепенные и изменения их роли в повседневной жизни. В частности, в полевых исследованиях было зафиксировано изменение статуса многих продуктов питания, одежды, строительного материала для жилищ, видов топлива, вытеснение основных элементов на периферию и, наоборот, периферийных, вспомогательных – в центр системы жизнеобеспечения: например, в разряд праздничных продуктов питания на периферию перешел хлеб, массовое распространение получил суррогатный продукт с использованием дикоросов; в отоплении произошла замена дров на сушняк, солому, шишки, коровьи «лепешки», кизяк и т. д., в строительстве ушли из употребления строевой лес и срубный дом, вместо них стали широко использоваться глина, солома, камыш, а в типах и видах жилища победили землянки, дерновые дома, литые, «камышитовые» и другие технологии с замещением леса другими доступными материалами и технологиями [12].

Необходимыми в разработке и реализации программы стали разработки в области крестьяноведения, а именно подходы к традиционной

культуре как стадии развития или форме культуры, для которой характерны аскетизм и созидательность. Эти черты особенно рельефно и вышукло проявляются именно в изучении культуры жизнедеятельности как одном из факторов победы. На наш взгляд, удачной попыткой изложить историю крестьянской культуры в форме крестьянской цивилизации с точки зрения антропологии явилась работа Н. Н. Козловой [7]. Особо ценными представляются положения о выработанной крестьянством системе преодоления трудностей [7 с. 48–54, 54–57]. Именно преодоление трудностей, по мнению автора программы, привело в повседневной жизни сельское общество к адапционным практикам и заместительным технологиям. Материалы интервью содержат большой материал об этих этнокультурных явлениях. Например, «нужно было терпеть, когда все время хотелось есть. Ели ребятишки и траву, и корни растений. Особым лакомством были ягоды и суслики. А дома еды почти не было: хлеб выдавался только на работавшего. Домашнее хозяйство было невелико, да и от него почти все уходило на налоги государству» [4, Смоликова) Зинаида Ильинична Родилась в 1933 г. в с. Маяки с. Грановка]

Наконец, важным в теоретико-методической проработки новой программы Центра УМиЭ являлся принцип регионализма. Адапционные система жизнеобеспечения и система жизнедеятельности опиралась на конкретные природно-географические условия. В частности, для крестьянского земледельческо-скотоводческого общества подстраховкой в трудные годы всегда выступали охота и рыболовство, а в годы войны они с периферии переместились в центр системы жизнедеятельности. При этом в зависимости от «ассортимента кормящего ландшафта» в военном «продуктовом рыбном меню» сельского населения преобладала рыба речная или озерная, дичь – водоплавающая или луговая, яйца водоплавающей (утки, гуси, кулики) или приселковой (воробьи, вороны, сороки) птицы, так же как и охотничьи трофеи – от мелких полевых грызунов до лесной добычи.

В отличие от запретов на «колоски», хлеб, жмых и т. д., рыбалка в годы войны стала доступным и детям, и нетрудоспособным членам семьи и безопасным промыслом для сельчан, а рыба – важным подспорьем в белковом рационе питания: «Ну а мы, младшие, у меня ровесники были среди этих немцев [дети депортированных], мы ловили рыбу. Благо тогда рыбы было у нас в речке полно! И щуки, и лини, и окуни, и чебаки, и пескари – ну всякой рыбы было много! И мы с удовольствием или бреднем, или удочкой ловили ее вместе с этими немецкими ребятишками» [1, с. 181]. Были востребованы и традиции заготовки белковой пищи – засолка, вяление. Так, жители с. Гуселетово ездили на

рыбалку «за Мамонтовой туда... Краснова [озеро]. Ток там ловили. Такие же караси да окуни... Кому надо – поедут, поймают. Раньше на лошадях были. Сушили, солили... солёна была бочками! [...] [Как] капусты, также насолят и задавят [гнетами]... В погребе стоит... Не пожаришь – она уже соленая, невкусная... А так ели, как говорится, как обедать – так с карто(о)шкой...» [2].

Засолка стала главным способом консервирования белковых продуктов: «Тогда рыбы очень много водилось: и карась, и щука, и окунь. Неподалеку в лесу у нас протекала Бурла, она и сейчас течет, только уже не такая, вот он в ней ставил различные ловушки для рыб... Наловленную рыбу солили в бочках, отрезали ей голову, выпускали кишки и закладывали в бочку пластами, пересыпая солью [1, с. 102]. Этот же респондент из с. Конеево Панкрушихинского района, Николай Иванович Зубков, рассказывал: «Ставил сети... <...> Одна из них называлась „запор“. Перевязывал проволокой между собой несколько досточек, получался такой щит, он им перегораживал реку, а по бокам щита стояли две бочки. Рыба дойдет до него – и пошла, дойдет до бочки и в бочке останется. А потом ее из бочки доставали такой палкой, у которой на конце была привязана сетка самовязная» [1, с. 102].

Важными являются выводы крестьян о значительном потенциале «кормящего ландшафта» в военную пору, что и спасло крестьянские семьи: «знаете, какая была природа, мама рассказывала, что с дедушкой уезжала на рыбалку на озеро в лес, а теперь там нигде рыбы нет. Заготавливали рыбу, солили в бочке на зиму... моя сестренка маленькая была... озеро тут Пузырево... пойдет, и желтых карасиков ловила в лесу. Теперь нигде нет, все попересохло...», луговых куропадок «море было», сусликов, которых «поистребляли, они ведь хлебом питаются, вот так вскроют [ригу, амбар], а там пуд поели. Вот и стали с самолетов травить, после войны. Куропадок тоже заодно получилось» [3]. Зиброва прямо говорила, что в военную пору крестьянам помогали луга, леса, околки, в которых было много «и зайцев, и белок, и лис... а час выбили, ничо нету», даже суслики «час испарились, нету никого!» [2]. Крестьяне говорят, что повсеместно на Алтае в результате потрав полей пропали суслики, куропатки, перепела, в результате распашки исчезли луга с полевой ягодой, околки со смородиной и малиной, пересохли многие пресные озера, уменьшилось поголовье водной и степной птицы, то, что являлось в годы войны базой для собирательства и промыслов.

Не вдаваясь в дальнейшие подробные характеристики этих этнологических и антропологических подходов, отметим узловым моментом, который и определял теоретическую и практическую направленность программы Центра устной истории и этнографии «Адаптационные пра-

ктики, жизненные стратегии и система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в экстремальных условиях войны 1941–1945 годов». Прежде всего, автор программы исходит из сложившегося в результате многолетней работы вывода о недостаточном введении в исторические научные тексты и реконструкции этнокультурных аспектов исторического прошлого. Особенно слабо учитывают историки этнокультурный фактор, который стал решающим для сельского общества тыловой деревни. Автором ставится проблема изучения стратегии выживания населения тыловой деревни и адаптационных функций культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках военного времени 1941–1945 гг. Перспективы изучения связаны с «устной историей» (oral history), с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий. Это создаст источники для решения такой научной проблемы, как состояние и значение традиций в российской истории XX столетия.

Таким образом, в программе мы исходим из того, что одним из важнейших факторов победы в Великой Отечественной войне стала способность сельского общества к жизнедеятельности в военных условиях, которые для значительной массы населения были трудными, а для подавляющего большинства экстремальными. Война мобилизовала традиционную культуру, что проявилось в повышении значения института семьи; семейных и мирских традиций по обеспечению жильем, питанием, топливом, одеждой; развитию домашних промыслов. Актуализировались трудовые традиции по освоению «кормящего ландшафта», развитию собирательства и промыслов. Крестьянское общество проявило способность «выживать» в экстремальных условиях, создав систему жизнеобеспечения с опорой на традиции и природную среду; в основе жизненных стратегий лежали заместительные технологии и адаптационные практики. В этом смысле крестьянская культура являлась одним из факторов Великой победы. Для рассмотрения означенных вопросов и проблем нужны новые подходы, новые технологии, новые источники.

Источники и литература

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; науч. ред.: Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева; под ред. Л. А. Вигандт. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 447 с.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014.: Романовский район, с. Гуселетово. Зиброва Анастасия Романовна, 1922 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014.: Романовский район, с. Гуселетово. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г. р.

4. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
5. Арутюнов С. А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. М.: Наука, 1989. 247 с.
6. Исупов В. А. История Сибири: [в 3 ч.]: учеб. пособие для 9 класса общеобразовательных учреждений. Ч. 3. Сибирь, XX век. 2-е изд., испр. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. 329 с.
7. Козлова Н. Н. Социально-культурная антропология. М., 1999. 187 с.
8. Кузнецов А. С. «Образ врага» у ветеранов Второй мировой войны на германском и японском фронтах: особенности и отличительные черты (по устным историческим источникам) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9: материалы IX междунар. науч.-практ. конф., г. Павлодар, 15–16 апр., 2014 г. / под ред. Т. Н. Смагулова, М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Е. К. Абеуовой. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 162–167; Кузнецов А. С. Взаимоотношения рядового и командного состава Красной Армии в период Великой Отечественной войны: по устным историческим источникам // Ломоносовские чтения на Алтае: сб. науч. ст. междунар. молодежной школы-семинара, г. Барнаул, 5–8 нояб., 2013; в 6 ч. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Ч. IV. С. 263–270; Кузнецов А. С. Устные воспоминания ветеранов как источник по изучению истории Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 173–178; Кузнецов А. С. Историческое интервью как источник и его место в источниковой классификации (на примере интервьюирования ветеранов Великой Отечественной войны) // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы всерос. науч. конф. / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 77–79.
9. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
10. Рыков А. В. Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: материалы III междунар. науч. конф., г. Москва, янв. 2015 г. М.: Буки-Веди, 2015. С. 124–126; Рыков А. В. Положение председателей колхозов Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2014: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2014. С. 112–113; он же. Личное подсобное хозяйство колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны

- // Материалы 51-й Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. С. 149–150; он же. Питание колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: развитие традиционной системы жизнеобеспечения традиционной системы жизнеобеспечения в экстремальных условиях // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докл. LIII регион. (IX всерос. с междунар. участием) археолого-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Владивосток, 24–30 марта 2013 г. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 44–46; Рыков А. В. «Правонарушения» колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: по устным историческим источникам // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: материалы 8-й междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 18–19 апр. 2013 г. / отв. ред.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул, 2013. С. 233–237; он же. Повседневная жизнь полеводческих колхозных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Молодежь – Барнаулу [Электронный ресурс] / Материалы XIV городской науч.-практ. конф. молодых ученых. Барнаул, 2013.
11. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения) Киров, 2003. 722 с.
  12. Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е гг. на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы всерос. науч. конф. / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 67–70.
  13. Щеглова Т. К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы / редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.), А. В. Контев. Барнаул, 2005. С. 387–417.
  14. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 527 с.
  15. Щеглова Т. К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века». Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. С. 554–571.
  16. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения алтайского сельского общества в годы Великой отечественной войны и возможности устной истории: повседневные практики борьбы с голодом и холодом (к вопросу о сохранении нематериального историко-культурного наследия села) // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продо-

- вольственной безопасности страны / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул: Литера, 2014. С. 171–174.
17. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации совет. немцев в трудармию, г. Барнаул, 10–11 нояб. 2012 г. / Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул, 2012. С. 155–165.
18. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов. Барнаул, 2011. 363 с.

Н. С. Грибанова, И. В. Чернова

«Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в.»: итоги реализации проекта в 2013–2014 гг.¹

В 2013 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда была начата реализация проекта «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в.» группой молодых исследователей Алтайского государственного педагогического университета (Н. В. Люля, Е. А. Прохорова, канд. ист. наук Н. С. Грибанова) и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Е. А. Коптяева, канд. ист. наук И. В. Чернова).

Выбор темы исследования был обусловлен недостаточным вниманием этнографов к украинскому населению Западной Сибири — одной из наиболее многочисленных этнических групп региона, основную часть которой на сегодняшний день составляют потомки переселенцев из юго-западных (украинских и смешанных русско-украинских) губерний России конца XIX — начала XX в. Обращение исследователей к изучению украинских переселенцев Западной Сибири отмечается только на рубеже XX–XXI вв. в связи с ростом внимания к проблемам формирования переселенческих групп и функционирования фольклорно-этнографических традиций восточнославянских народов в пространстве и времени. До начала реализации проекта в этнографическом изучении украинского населения Западной Сибири были обозначены лишь некоторые направления актуальных исследований [2]. Изучение семьи украинского населения не проводилось, семейный быт рассматривал-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

<i>А. В. Колисниченко</i>	
Детские воспоминания о разрушении церквей в 1930-е гг. на Алтае (Алтайский и Романовский районы): источники по крестьянской антропологии	218
<i>А. С. Кузнецов</i>	
Воспоминания о Великой Отечественной войне как часть историко-культурного наследия на примере воспоминаний Б. Т. Терещенко	224
<i>А. В. Рыков</i>	
Питание колхозных крестьян в условиях полеводческих и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны	228
<i>Е. А. Петякина</i>	
Образ «сибиряка» в рассказах жителей Кытмановского района Алтайского края	231
<i>И. А. Симахина</i>	
Хозяйственная адаптация сельского населения в условиях Великой отечественной войны (на материалах Солтонского района Алтайского края).	235
<i>М. И. Сухарева</i>	
Депортация немецкого населения: по материалам Поспелихинского и Романовского районов	239

**Проекты и программы
Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ**

<i>Т. К. Щеглова</i>	
Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы)	248
<i>Н. С. Грибанова, И. В. Чернова</i>	
«Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в.»: итоги реализации проекта в 2013–2014 гг.	262
Список авторов.	272
Сокращения	278